

О вегетарианстве

Элизе Реклю

1905 г.

Так как лица с большими познаниями по биологии и гигиене уже вполне точно исследовали все вопросы, касающиеся нормального питания, то я постараюсь не выказать своего невежества, высказываясь относительно животного и растительного питания. Так как я не химик и не врач, я не стану упоминать об азоте и белках, но просто ограничусь тем, что расскажу о своих личных впечатлениях, которые, во всяком случае, совпадают с впечатлениями многих вегетарианцев.

Я не выйду из предела моего личного опыта и остановлюсь на нескольких наблюдениях, подсказанных мне мелкими случаями из повседневной жизни.

Прежде всего, я должен сказать, что искания истины не имели никакого отношения к тем ранним впечатлениям, сделавшим из меня вегетарианца, в то время когда я еще едва вышел из младенческого возраста. У меня осталось ясное воспоминание ужаса при виде крови. Кто-то из семьи послал меня к деревенскому мяснику, поручив мне принести домой какую-то кровавую часть мяса. В полном неведении я весело отправился исполнить данное мне поручение и, ничего не подозревая, вошел во двор бойни. Я до сих пор не могу забыть этого мрачного двора, по которому расхаживали какие-то страшные, вооруженные огромными ножами люди, вытиравшее их о забрызганные кровью Фартуки. Тут же висела огромная мясная туша, занимавшая, как мне показалось, необыкновенно много места; с беловатой поверхности ее стекала по желобу красноватая жидкость. Я дрожал, безмолвно стоя посреди этого окровавленного двора, не будучи в состоянии ни двинуться вперед, ни убежать. Я не знаю, что было со мной потом; это изгладилось из моей памяти. Говорили, что я будто бы упал в обморок, и что добродушный мясник отнес меня к себе в дом; я тогда был не тяжелее любого из тех ягнят, которых ему ежедневно приходилось резать.

Потом другие картины поочередно бросали тень на мои детские годы и, подобно этому эпизоду на бойне, составляли целые эпохи в моей жизни. Я как сейчас вижу свинью, принадлежащую каким-то крестьянам, мясникам из любви к искусству, и от того тем более жестоким. Я помню, как один из них понемногу пускал кровь из животного, так что она стекала из него по каплям. Оказывается, что для того, чтобы изготовлять действительно хорошие черные пудинги, необходимо, чтобы жертва умирала медленной смертью. В продолжение всей этой операции свинья не пере-

ставала визжать, изредка издавая стоны и знаки отчаяния, почти напоминающее человеческие страдания; казалось, что слушаешь плач ребенка. И действительно, домашняя свинья в течение года или более занимает положение любимого ребенка в семье; ее кормят и балуют, чтобы она жирела, а она платит искренней привязанностью за хороший уход, единственная цель которого — известное количество вершков сала. Но если добрая женщина, ухаживающая за свиньей, отвечает ей той же привязанностью, ласкает и называет ее нужными именами, над ней смеются, так как любить преданное нам животное считается нелепым и даже унижительным.

Одним из самых сильных впечатлений из времен моего детства была одна из тех деревенских драм, которой я был свидетелем, а именно насильственное убийство свиньи несколькими крестьянами, восставшими против одной доброй старушки, не соглашавшейся на заклятие своего толстого друга.

Деревенская толпа ворвалась в свиной хлев и вытащила животное на место казни, где его уже ожидали все приготовленные для этого орудия, между тем как бедная женщина беспомощно опустилась на стул, проливая горькие слезы. Я стоял возле нее, не зная как быть — сочувствовать ли ее горю или вместе с толпой считать убийство свиньи справедливым и законным действием, определенным здравым смыслом и самою судьбою. Каждый из нас, особенно тот, кому приходилось жить в каком-нибудь провинциальном местечке, вдали от больших городов, где все тщательно скрывается и маскируется, каждый из нас часто видал подобные варварские поступки, совершаемые потребителями мяса против тех животных, которыми они питаются. Нет нужды отправляться в какой-нибудь «Свинополис» Северной Америки, или в какое-нибудь местечко Лапланды, чтобы наблюдать все ужасы избиений животных, которые составляют необходимое условие нашей ежедневной пищи. Но эти впечатления постепенно сглаживаются, бледнеют; они уничтожаются пагубным влиянием нашего воспитания, которое стремится привести человека к посредственности и убить в нем все, что могло бы сделать из него оригинальную личность. Родители, учителя, знакомые врачи (не говоря уже о том могущественном лице, которое мы называем «все»), общими силами работают над тем, чтобы сделать ребенка совершенно нечувствительным по отношению к «четвероногим кормильцам», которые, тем не менее, любят, чувствуют одинаково с нами и, находясь под нашим влиянием, прогрессируют или регрессируют вместе с нами.

Одним из самых печальных последствий употребления мяса является тот факт, что животных, предназначенных для удовлетворения человеческого аппетита, систематически уродуют, обезображивают и унижают их умственное и нравственное достоинство. Даже самое имя животного, как, например, свинья, употребляется как одно из самых грубых ругательств. Эта бесформенная масса жира и мяса, барахтающаяся в грязи, настолько отталкивающая и противна, для глаза, что мы стараемся избегать сходства между именем этого животного и названием тех блюд, которые мы из него готовим. Какая огромная разница между внешностью и привычками дикого барана, скачущего по склонам горных стран, и видом домашней овцы, потерявшей всякую личную инициативу и дошедшей до состояния какого-то приниженного куска мяса, настолько трусливой, что она не решается ни на минуту отстать от стада и настолько бестолковой, что сама от страха бросается в пасть преследующей ее собаки! Подобное же унижение постигло в наше время с трудомдвигающегося по

пастбищам и вола, которого скотоводы превратили в громадную,двигающуюся массу, как будто заранее предназначенную для ножа мясника. И к выработке подобных уродств мы применяем слово «воспитание!»

Вот как человек исполняет свою обязанность воспитателя относительно своей низшей братии животных.

Совершенно так же мы обращаемся и со всей природой. Пустите орду инженеров в какую-нибудь красивую долину, лежащую среди полей и лесов или на берегу чудной реки, и посмотрите, что они тут наделают. Они сделают все возможное, чтобы выставить на показ свою собственную работу и скрыть природу под горами камней и угля.

По крайней мере, каждый из них с гордостью указал бы на свой паровик, бороздящий небо целую сеть грязно-желтых или черных облаков дыма. Иногда эти инженеры имеют даже смелость исправлять природу. Так, когда бельгийские художники недавно выразили свой протест министру путей сообщения по поводу изуродования им самых живописных местностей по Мезе посредством взрывов самых красивых скал по ее берегам, министр поспешил уверить их, что впредь им не на что будет жаловаться, так как он обязуется украсить все новые мастерские готическими башенками!

Совершенно в том же духе мясники выставляют на показ публике даже на самых людных улицах рассеченные туши и кровавые куски мяса и воображают, что примиряют наше эстетическое чувство с этим безобразием, разукрашивая вывешиваемое ими мясо гирляндами роз!

Читая газеты, невольно думаешь, что все ужасы, происходящее на китайской войне, не более как дурной сон, а никак не печальная действительность. Может ли быть, чтобы люди, испытавшие радости материнских ласк и учившие в школе такие слова, как «справедливость и милосердие», может ли быть, чтобы эти дикие звери с человеческим лицом могли находить наслаждение в том, чтобы связывать китайцев за платье и за косы по несколько человек вместе и потом бросать их в реку? Как они могут убивать раненых и заставлять пленных самих рыть себе могилы, прежде чем их расстрелять? Кто же эти ужасные убийцы? Все это такие же, как и мы, люди, точно так же, как и мы, читающие и занимающиеся наукой; у них есть братья, друзья, жены, возлюбленные! Может случиться, что, рано или поздно, мы с ними встретимся, пожмем их руки, на которых не заметим и следа крови. Но посмотрим, не существует ли прямой связи причины и следствия между пищей этих палачей, называющих себя «проводниками цивилизации», и их зверскими поступками. Они обыкновенно восхваляют кровавое мясо, как источник здоровья, силы и ума. Они без отвращения переступают порог бойни, где полы красны и скользки, где воздух пропитан противным приторным запахом крови. Но так ли велика разница между трупами быка и человека? Те же отделенные от туловища члены, те же смешанные в кучу внутренности, все это одно и то же! Зарезание быка облегчает путь к убийству человека, особенно когда раздастся приказ вождя или издали слышится голос верховной власти: «Будьте безжалостны!»

Одна французская пословица говорит, что можно защищать всякое темное дело. В этих словах была некоторая доля правды, покуда войска различных наций совершали свои зверства порознь, каждое отдельно: тогда все приписываемые им жестокости

можно было потом принять за клевету, происходящую без зависти и национальной вражды других народов. Но в Китае, в настоящее время русские, французы, англичане и немцы даже не пытаются скрыть свое поведение. Свидетели и даже сами участники этих дел уведомляют нас о них на своих языках, одни с большим цинизмом, другие с некоторою сдержанностью. Правды уже не отрицают, но стараются создать новую нравственность для ее объяснения. Эта нравственность говорить, что существуют два закона для человечества: один применяется к желтым расам, а другой составляет преимущество белых. Убивать или мучить первых, согласно этой морали, является позволительным, но относиться так к последним было бы дурно. Но разве наши нравственные правила, применяемые к животным, не одинаково растяжимы? Травля лисицы собаками приучает джентльмена отдавать приказание своим подчиненным преследовать убегающих китайцев. Оба рода охоты принадлежат к одному и тому же "спорту"; только в том случае, когда добычей является человек, получаемое от этого "спорта" волнение и удовольствие, вероятно, бывает острее. Нужно ли спрашивать по этому поводу мнение того, кто недавно призывал имя Аттилы; указывая на это чудовище, как на образец для своих созданий? Упомянуть об ужасах войны в связи с избиением скота и лукулловскими пирами не значит уклоняться от предмета речи. Питание людей тесно связано с их наклонностями. Кровь требует крови. В этом отношении всякий, кто захочет воскресить в своей памяти образы знакомых ему людей, без труда заметит огромную разницу, существующую между вегетарианцами и грубыми потребителями мяса, с жадностью пьющими кровь, — в отношении вежливости в обхождении, кротости характера и правильной жизни.

Правда, что эти качества совсем не ценятся так называемыми «умными людьми», которые, хотя сами несколько не лучше остальных смертных, всегда очень заносчивы и думают, что унижение слабости и превозношение силы придает их личности еще более значения. По их мнению, кротость есть синоним слабости; болезненные люди служат только, помехой, и устранение их есть благодеяние. Если их не убивают, то им по крайней мере не надо мешать умирать. Однако, именно эти слабые люди борются с болезнью лучше сильных. Полнокровные люди цветущего вида не всегда самые долговечные: настоящая сила вовсе не всегда выражается во внешнем виде, в румянном цвете лица, натянутых мускулах и полноте тела. Статистика могла бы дать нам точные сведения по этому поводу, но этому мешают многие заинтересованные в этом деле лица, выставяющие целые легионы не то правдивых, не то ложных цифр в защиту своих теорий.

Как бы то ни было, мы просто утверждаем, что для большинства вегетарианцев вовсе не важно, крепче ли их бицепсы и трицепсы, нежели мускулы потребителей мяса, и не в том дело, больше ли способен их организм бороться с различными опасностями в жизни или даже с самой смертью, что еще более важно; для них вся суть дела состоит в признании тех уз привязанности и доброжелательства, которые связывают человека с так называемыми низшими животными, и в распространении на эту младшую братью чувства, положившего конец людоедству между людьми.

Доводы, которые могли бы привести антропофага в защиту людоедства, были бы также основательны, как и доводы обыкновенных потребителей мяса в наше время. Мы, вегетарианцы, выставяем теперь совершенно те же возражения против мясоедения, которые некогда, приводились против чудовищного обычая людоедства.

Мы предпочитаем смотреть на лошадь и на корову, на кролика и на кошку, на оленя и на зайца, на фазана и жаворонка как на наших друзей, а не только как на дичь.

«Но, — могут нам сказать, — если даже вы и будете воздерживаться от мясной пищи, другие хищники, все равно люди или животные, будут питаться ею вместо вас, или голод и силы природы соединятся, чтобы истребить многих животных». Без сомнения, равноправие видов будет поддерживаться, как и раньше, сообразно с разными жизненными случайностями и взаимной борьбой appetitов, но, по крайней мере, в этом поединке различных пород роль истребителя не будет принадлежать нам. Мы постараемся сделать принадлежащей нам уголок земли по возможности приятным не только для нас, но и для наших домашних животных. Мы серьезно возьмем на себя обязанность воспитателя, принятую человеком еще в доисторические времена. Наша доля ответственности в изменении существующего порядка не простирается далее нас самих и нашего ближайшего соседства. Если мы и мало сделаем, по крайней мере, это малое будет плодом наших усилий. Разумеется, если бы мы держались химеричной идеи провести нашу теорию в жизни до ее логических и непосредственных последствий, не принимая во внимание различных жизненных условий, мы бы дошли до полного абсурда. В этом отношении принцип вегетарианства ничем не отличается от всякого другого принципа; он должен быть приспособлен к обыкновенным условиям жизни. Очевидно, мы не имеем намерения подчинять все наши действия и поступки ежечасно и ежеминутно принципу уважения к жизни бесконечно малых существ: мы не будем, подобно буддистам, морить себя голодом и жаждой, если увидим под микроскопом каплю воды, кишашую микроорганизмами. Мы, не задумываясь, срежем себе палку в лесу или сорвем цветок в лесу; мы даже позволим себе сорвать спаржу или кочан салата и капусты на обед, хотя мы вполне признаем жизнь в растении, так же как и в животном. Не нам стеснять себя сектантскими догматами; наша задача состоит в том, чтобы обставить наше существование, по возможности, красиво и сохранить в нем, насколько это в нашей власти, гармонию окружающего нас мира.

Подобно тем нашим предкам, которым, наконец, опротивело поедать своих ближних, и которые в один прекрасный день перестали подавать их к столу; так же и в наше время между потребителями мяса есть много таких, которые отказываются питаться мясом благородного товарища человека — лошади или наших домашних любимцев кошки и собаки, — «так и нам неприятно пить кровь и жевать мышцы вола, помогающего нам выращивать нашу рожь. Мы больше не хотим слышать бляние овец, мычание быков и пронзительный визг свиней, когда их ведут на заклание. Мы стремимся к тому, чтобы нам не приходилось ускорять шаги, чтобы поскорее миновать отвратительные места боен, с их ручьями крови и рядами острых крючьев, на которых, обгаренные кровью и вооруженные страшными ножами, люди развешивают туши различных животных.

Мы желаем поскорее жить в таком городе, где бы рядом с нашими домами, красивыми магазинами, или по соседству с аптекой не попадались мясные лавки, наполненные трупами, чтобы рядом с выставкой роскошных плодов или прекрасных книг, гравюр, статуэток и других произведений искусства не помещались кровавые мясные туши. Мы хотим, чтобы все окружающее нас было приятно для глаз и полно гармонии и красоты.

А так как физиологи и еще более наш личный опыт говорит нам, что эти уродливые части мяса не представляют рода питания, необходимого для поддержания нашей жизни, мы отказываемся от всех этих отвратительных блюд, которыми лакомились наши предки и которыми еще до сих пор наслаждаются многие из наших современников. Мы надеемся, что скоро настанет день, когда потребители мяса сделаются, по крайней мере, настолько воспитанными, что начнут скрывать свою пищу. Бойни уже устроены в отдаленных предместьях, пусть поместят туда же и мясные лавки, где, подобно хлевам, их скроют в темные углы.

По причине такого же уродства нам отвратительна вивисекция и всякие опасные опыты, исключая тех, которые человек науки производит над своей собственной личностью. Нам противно безобразие самого поступка, когда мы видим, что естествоиспытатель прикалывает живых бабочек в свой ящик или разоряет муравейник для того, чтобы узнать число муравьев.

Мы с отвращением отходим от инженера, отнимающего у природы ее красоту, и от калифорнийского лесопромышленника, срубавшего дерево в 300 фут вышины, дожившего до четырех тысяч лет, только для того, чтобы показывать его кольца на ярмарках и выставках. Уродство в людях, в поступках, в окружающей нас природе — это наш злейший враг. Пусть мы сами и вся наша жизнь будет красива!

Какая же пища наиболее соответствует нашему идеалу красоты, как по своей природе, так и по способу ее приготовления? Это именно та пища, которую всегда предпочитали люди простого образа жизни, та, которая лучше всего обходится без всяких обманчивых ухищрений кулинарного искусства. Это — яйца, зерна, плоды, — то есть, те продукты животной и растительной жизни, которые представляют в своих организмах временное прекращение жизненной силы и, вместе с тем, соединение всех элементов, нужных для образования новых жизней. Яйцо животного, семя растения, плоды дерева представляют конечный результат организма, которого уже больше нет, и начало нового, еще не существующего организма. Человек добывает их себе в пищу, не убивая существа, их производящего, так как они образуются в точки соприкосновения двух поколений. Разве наши ученые, изучающие органическую химию, не говорят нам также, что яйцо животного или растения есть лучший склад всех жизненных элементов! *Omne vivo ex ovo!*

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Элизе Реклю
О вегетарианстве
1905 г.

скопировано 09.06.2016 с <http://www.vita.org.ru/veg/veg-literature/reklju-veg.htm>
перевод с английского М. Языковой под редакцией А. Н. Коншина Издание
«Посредника» СХХХІ для интеллигентных читателей Типо-литография Т-ва И. Н.
Кушнерев и К. Пименовская ул., соб. д. Москва 1905

ru.theanarchistlibrary.org